

Литература

1. Краснопяржский С. Г. Индивидуальное правовое регулирование в советском обществе: (вопросы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1990.
2. Березовская Е. В. Правотолкование и индивидуальное правовое регулирование: Дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2005.
3. Кашанина Т. В. Децентрализация в правовом регулировании: Структурный анализ: Дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1992.
4. Воложев С. И. Нормативность и казуальность права (Теоретико-методологический и сравнительно-правовой анализ): Дис. ... д-ра юрид. наук. — С.Пб., 2005.
5. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. — М., 1989.
6. Кашанина Т. В. Соотношение централизованного и децентрализованного правового регулирования // Правоведение. — 1991. — № 4.

УДК 340.132

*А. Ф. Крыжановский***ПРАВО И ПРАВОПОРЯДОК:
ВЗАИМОРАЗВЕРСТКА ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ**

В доктринальной среде правоведов как аксиоматическое воспринимается положение, что «...в логическом аппарате каждой науки главную теоретическую нагрузку несут ее основные фундаментальные понятия — категории» [1, 35]. Это наиболее общие и глубокие фундаментальные юридические понятия, являющиеся пределом обобщений в сфере правоведения [1, 36].

«Правовые категории как понятия предельной общности в государственно-правовой сфере общественной жизни, — указывает А. М. Васильев, — призваны выразить и раскрыть ее сущность, наиболее глубокие связи и отношения. Возникая в ходе познания и осмысления юридической практики, они служат инструментом познавательной деятельности на уровне абстракции и обобщений, которые позволяют установить внутреннюю основу, причину, связи, единство и законы развития правовой действительности» [1, 38].

Познавательной особенностью понятий, причем особенностью наиболее ценной, П. М. Рабинович вполне обоснованно считает то, что они отражают такие свойства явления, которые являются существенными, закономерными, общими для всех явлений определенного рода (типа, класса) [2, 4].

В. П. Казимирчук, чье мнение нашло поддержку среди современных философов права [3], вполне обоснованно подчеркивает методологическое значение правовых категорий [4, 47].

Категории теории права и государства занимают особое место в системе правовых категорий, относятся к числу основных (Д. А. Керимов) и выражают наиболее общие связи и отношения, сущность, качество, структуру права. Эти категории в «снятом виде» дают ответ о назначении права, его основных характеристиках. «Все правовые явления — как бы они ни отличались друг от друга, — отмечает Д. А. Керимов, — суть именно правовые, а не какие-либо

иние... Все правовые явления обладают определенной общностью, что выражается, например, в таких общих понятиях, как право, система права или законность» [5, 8].

Общность правовых явлений необходимо предполагает и «адекватное» такому состоянию единство правовых категорий. Предпринятая А. М. Васильевым [6] весьма плодотворная попытка системного анализа основных категорий теории права убедительно свидетельствует о необходимости системного характера теоретико-правового знания, важной составляющей которого является понятийно-категориальный аппарат.

«Бытие» правовых категорий представляет отдельный, весьма особенный срез правового бытия, который характеризует не только уровень освоения юриспруденцией правовой действительности, но и «движение» правовых идей, их способность к развитию и обновлению. Одним из важных его аспектов является проблема взаимодействия правовых категорий, приобретающих новые характеристики при помощи приема взаиморазвертки — последовательного попарного рассмотрения одного феномена через призму другого.

Как представляется, весьма результативным и в теоретическом, и прикладном аспектах названный анализ может стать относительно основных категорий правоправедения, к которым относятся право и правопорядок. Как отмечают исследователи, правопорядок (как и право) может выступать «...основополагающим принципом самого бытия, а вследствие этого — и формирования мышления о нем» [7, 327].

Исследование соотношения права и правопорядка открывает возможность обнаружить дополнительный потенциал каждого из этих феноменов на основе их сопоставления и отыскания в каждом из них потенциала, «спрятанного» в другом: право получает свое продолжение в состоянии упорядоченности общественной жизни, а правопорядок, собственно, предстает как правовой «климат» в обществе, в котором только и могут раскрыться потенциальные возможности и глубинная природа права. Сопоставление права и правопорядка способно осветить потенции права как явления не только из «мира сущего», но в то же время и как стремление в «мир должного» [8, 60].

При этом следует учитывать сложившуюся в юриспруденции (особенно западной) доктринальную традицию отождествления правопорядка и права. [Более подробно об этом см.: 9, 12–18]. Такой подход, разумеется, не лишен определенного теоретического конструктивизма, поскольку представляет право и правопорядок в качестве некоего единства должного и сущего, достигнутого в рамках наличных условий социального и правового развития. Однако при этом следует отмежеваться от тех доктринальных конструкций, в контексте которых отождествление правопорядка и права так или иначе предполагало выхолащивание категории «правапорядок» [10, 381].

Остаются недостаточно исследованными и другие аспекты соотношения права и правопорядка, что и составляет предмет анализа в данной статье.

Рассмотрение правопорядка через призму права необходимо требует обращения к проблематике правопонимания. Не имея возможности в формате ста-

тьи основательно анализировать трансформации категории «правопорядок» в свете современных концепций правопонимания, считаю необходимым подчеркнуть, что в отечественной юриспруденции постепенно складывается новая ситуация превалирования плюралистического подхода к пониманию права и доминирования идеи верховенства права не только в теоретическом, но и в прикладном правоведении.

Ныне, в условиях заметного повышения интереса к юснатуралистическим концепциям в отечественном правоведении, особенно важным является осмысление юридических средств воплощения естественно-правовых идей в юридическую практику, разработка механизмов, посредством которых эти идеи становятся составляющими реального правотворчества изменений в правовой сфере. При этом необходим учет конкретного социального значения названных идей для общества и государства и критическое отношение к тем положениям юснатурализма, которые на нынешнем этапе развития украинской государственности могут нести риск дестабилизации государственно-юридической системы и правопорядка [11, 25].

Среди наиболее значимых для понимания правопорядка общетеоретических конструкций, выросших на почве концепции естественного права, важное методологическое значение имеет разработка Н. И. Козюброй и его школой доктрины верховенства права, ориентированной на решение как теоретических, так и прикладных (в сфере конституционного правосудия, функционирования основных ветвей власти и др.) проблем [12, 3–9; 13, 87–89].

«Несмотря на очевидное родство верховенства права и правопорядка, — подчеркивает Н. И. Козюбра, — взаимосвязи между ними до сих пор остаются должным образом неосмысленными... Согласно предшествующей советской традиции, категория правопорядка связывается не столько с принципом верховенства права, сколько с принципом законности. Как парные, неразрывно связанные между собой категории, законность и правопорядок рассматриваются практически во всех без исключения учебниках и учебных пособиях по общетеоретической юриспруденции постсоветского периода. Преобладает эта традиция и в большинстве специальных работ, посвященных правопорядку. В соответствии с ней «законность — это предпосылка правопорядка», а правопорядок — «это итог воплощения законности в реальные общественные отношения», «результат осуществления принципов законности» и тому подобное. И хотя в последнее время подобные категорические трактовки подвергаются критике, она ограничивается преимущественно рамками теоретического и практического различия права и закона. В соответствии с таким различием правопорядок должен выводиться не из закона и соответственно законности, а из права, которое является основой правопорядка. Законность же (а точнее правозаконность) — это условие правопорядка» [14, 58–59].

Не исключая, вопреки утверждениям отдельных отечественных авторов, требования законности, принцип верховенства права в то же время не возводит ее к формальной законности, то есть к правлению на основе закона, независимо от его содержания. Такое понимание законности, по мнению практически всех

западных правоведов, не обеспечивает достаточных ограничений правительства, которое является необходимым условием верховенства права (Б. Таманага).

Верховенство права, — подчеркивает Н. И. Козюбра, — предусматривает законность, основанную на признании и безоговорочном принятии наивысшей ценности человека, его ограждении от своеволия властных институтов и их должностных лиц. Иначе говоря, требование законности в соответствии с принципом верховенства права распространяется только на деятельность органов публичной власти и их должностных лиц, а не на граждан. Достаточно часто это требование именуется законностью управления. Согласно ей, ни один акт управления не может подменять своим регулированием закон, а любое действие или полномочия органа управления должны иметь свое основание именно в законе, то есть соответствовать принципу «то, что прямо не разрешено законом, запрещено» [14, 59].

Следуя этому подходу, необходимо различать достигаемый в деятельности государственных институтов правовой порядок как таковой, который, собственно, формируется на основе правозаконности. Этот правопорядок, формируемый в процессе государственно-властной деятельности, с одной стороны, представляет собой относительно самостоятельную сферу правовой жизнедеятельности общества, а с другой — важный фактор правового упорядочения жизнедеятельности в других сферах — экономической, производственной, социальной, политической, идеологической и др. Далее появляется возможность анализа соотношения места и роли государственных институтов и институтов гражданского общества в обеспечении правового порядка в обществе.

Среди теоретических направлений в отечественном правоведении в контексте данной статьи обращает на себя внимание разработка Ю. Н. Оборотовым и его учениками нормативно-ценностного понимания права, которое создает возможности для изменения представлений об особенностях формирования и обеспечения правопорядка, поскольку включает в эту сферу целый мир правовых ценностей, отдельные составляющие которого ранее лишь косвенно использовались при характеристике правопорядка. Можно считать, указывает Ю. Н. Оборотов, что рассмотрение современного права как ценностно-нормативной системы определяет изменение не только представлений о регулятивных и координирующих возможностях права, но и непосредственным образом отображается на складывающемся правопорядке [15, 5–6].

Исходя из реальных характеристик содержания правопорядка, замечает О. С. Мельничук, следует признать его достижение на основе только нормативного регулирования невозможным. Нормативное регулирование не всегда ведет только к правомерному поведению, не всегда правомерное поведение достигается только на основе правовых или неправовых норм.

Именно поэтому наряду с нормативным существует ненормативное регулирование. Оно разграничивается на ценностное (осуществляемое на основе сложившихся в обществе ценностей), директивное (здесь используется прямое указание, приказ, директива, связанные с достижением цели или решения задачи) и информативное (информативность, обеспечиваемая средствами массовой

информации, используется при решении конкретных социальных и иных проблем). Ненормативные регуляторы часто дополняют (усиливают или снижают) действие нормативного регулирования (Ю. Н. Оборотов). В частности, в правовом регулировании сегодня просматривается соединение нормативного и ценностного регулирования, не говоря уже об использовании директивного регулирования в управлении, при разрешении экстремальных ситуаций [16, 72-73]. В приведенной позиции весьма дискуссионным выглядит противопоставление нормативных и ценностных регуляторов, в результате чего может сложиться представление, что ценности ненормативны. Если понимать нормативность как способность правового феномена вызывать в соответствующей ситуации типичную поведенческую реакцию неограниченного круга субъектов (всеобщность и персонифицированность), то и ценности, и даже информация — нормативны. Индивидуальные правовые же предписания или директивы вполне правомерно относить к ненормативным средствам правового воздействия.

Среди теоретико-правовых разработок отечественных ученых, методологически значимых для современного постижения правопорядка, следует назвать потребностный подход к праву, разрабатываемый П. М. Рабиновичем и его последователями. Он открывает возможности «прочтения» правопорядка как ценности, имманентно свойственной не только социальному бытию человека, но и человеку как биологическому существу. Потребность в безопасном существовании, ощущении защищенности от внешних опасностей была и остается мощной побудительной силой социальной активности человека, формирования им разветвленной «инфраструктуры» упорядочения и безопасности (в т.ч. правовой) своей жизнедеятельности. Как справедливо указывает П. М. Рабинович, именно «потребностные» причины нередко становятся даже более влиятельными, действенными, чем иные обстоятельства [2, 6]. Именно потребностный подход, экстраполированный на правопорядок, позволяет выстроить востребование правового упорядочения сначала на уровне человека, индивида, а затем уже — на групповом и социальном уровнях. Другое дело, что при этом право не всегда воспринимается личностью и социальными общностями как то, что «...облегчает, но не усложняет существование, жизнедеятельность и развитие» (П. М. Рабинович) индивидов и их социальных или биологических групп. При этом правопорядок как раз и испытывает на себе эту двойственность проявления права, что и порождает, с одной стороны, стремление социальных субъектов к правопорядку, а с другой — стремление выйти за рамки правопорядка (правонарушения, злоупотребления правом и др.).

Другая сторона «взаимораскрытия» права и правопорядка — осмысление природы права в контексте достигнутого, «наличного» правового упорядочения общественной жизнедеятельности. Здесь уже правопорядок выступает в качестве методологического «инструмента», обнажающего специфические свойства права. Причем правопорядок, как «завершающий этап всех правовых процессов и процедур» (О. Ф. Скакун), как некий законченный «правовой продукт», отражает достоинства и недостатки всей правовой системы, уровень «правости» (П. М. Рабинович) общественной жизни.

Правопорядок, утверждает Ю. Н. Оборотов, выступает в качестве смыслового назначения права, которое достигается обеспечением стабильности человеческого бытия. Между тем зачастую в системе правовых ценностей определяющее место отводится свободе и справедливости, тогда как порядок рассматривается ниже по рангу в иерархии ценностей права и даже характеризуется как дополнительная ценность [15, 6].

Из этого проистекает и следующее. Правопорядок как правовая ценность одновременно выступает и целью правового регулирования, которая состоит в создании посредством правового воздействия надлежащих условий нормального функционирования и развития общества. Для этого право должно отражать фактические общественные отношения, которые составляют «строительный материал» правопорядка в обществе. Такой «кругооборот» права и правопорядка в «природе» общественной жизни и создает так необходимую гармонию права и правопорядка, должного и сущего в правовом бытии людей.

Литература

1. Проблемы методологии и методики правоведения. — М.: Мысль, 1974.
2. Рабінович П. Сутність праворозуміння // Право України. — 2008. — № 9. — С. 3–7.
3. Малахов В. П. Основы философии права: Учеб. пособие. — М.: Культура, 2005.
4. Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. — М., 1965.
5. Керимов Д. А. Отдельное, особенное и общее в праве // Правоведение. — 1968. — № 6. — С. 3–10.
6. Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. — М., 1976.
7. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологосмы. — М., 1991.
8. Покровский И. А. Основы проблемы гражданского права. — М.: Статут, 1998.
9. Крижанівський А. Ф. Право і правопорядок: грані співвідношення // Актуальні проблеми держави і права: Зб. наук. пр. / Редкол.: С. В. Ківалов (голов. ред.) та ін.; Відп. за вип. Ю. М. Оборотов. — О., 2006. — Вип. 29. — С. 12–18.
10. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. — М.: Юрид. лит., 1961.
11. Рабінович С. Копетитудійне право розуміння: антропологічні аспекти // Право України. — 2008. — № 10. — С. 25–30.
12. Козюбра М. І. Принципи верховенства права і правової держави: єдність основних вимог // Наукові записки Національного університету «Києво-Могилянська академія». Юридичні науки. — 2007. — Т. 64. — С. 3–9.
13. Хворостяккіна А. В. Взаємодія принципів правової визначеності та «гнучкості» права як одна з умов забезпечення правопорядку // Сучасний правопорядок: національний, інтегративний та міжнародний виміри: Тези Міжнар. наук.-практ. конф. — О., 2008. — С. 87–89.
14. Козюбра М. І. Додержання вимог принципу верховенства права як умова забезпечення правопорядку // Там же. — С. 58–59.
15. Оборотов Ю. П. Аксиомативні початки правопорядка // Там же. — С. 5–7.
16. Мельничук О. С. Нормативне і ненормативне регулювання в досягненні правопорядка // Там же. — С. 72–73.